

Де Голль был единственным, перед кем стушевался Жан-Поль Бельмондо

Юрий КОВАЛЕНКО, «Известия»

Самому популярному французскому актеру на днях исполнилось 60 лет. Мы печатаем с небольшими сокращениями интервью, опубликованное во французском журнале «Пари-матч».

— Что значит для вас ваш возраст?

— Ничего. 60 мне на бумаге. Я чувствую себя так, как будто мне по-прежнему 20... Быть актером — огромная привилегия. Есть ли еще другие профессии, когда играешь жандарма и вора и тебе еще за это платят?.. Мой отец умер в 84 года. Он оставался молодым человеком и никогда не прекращал работать. Его интересовало абсолютно все. На него похожа моя мать, которой 92. Она уже ничего не видит, но слушает радио, телевидение. Ей тоже все интересно. Если завтра мне будет трудно двигаться или, скажем, перестанет работать голова, это будет для меня чертовски неприятно.

— Вы в отличной форме. Что вы для этого делаете?

— Много занимаюсь спортом: велосипедом, теннисом, каждый день дома накачиваю мускулы. И нахожу в этом удовольствие. Боксирую с грушей — чтобы не колотить тех, кто действует мне на нервы.

— Что вам больше доставляет радости — кино или жизнь?

— Мне всегда хорошо удавалось и то, и другое. В течение 40 лет кино доставляло самые разнообразные удовольствия. Но ничто не приходило само собой... Когда мне было 20 лет, я воспринимал деда стариком, сидящим в кресле, а сегодня я сам дед, и моя самая большая радость — мои дети и внуки. Кто бы мог в это поверить!

— Каждый день вы обедаете и ужинаете с вашей матерью. Каждый вечер вы ей читаете. Очень трогательно вас видеть вместе.

— Меня воспитали в атмосфере любви и веселья, и я всегда был близок к моим родителям, которым многим обязан. С возрастом роли меняются. Родители слабеют, и сейчас мы должны о них заботиться, защищать их.

— Люди, вас не знающие, считают вас необразованным человеком, для которого любимое чтение — спортивная газета «Экип». Как возникла эта легенда?

— В школе драматического искусства, где я учился, преподавали литературу, к которой я питал отвращение. Всегда сидел на последнюю парту и читал «Экип». Когда преподаватель спрашивал, что меня больше всего интересует в литературе, я отвечал: «Экип!» Отсюда это и пошло.

— В сущности, вам нравилось слыть тулицей!

— Я обожаю это. В тысячу раз лучше, чем выдавать себя за интеллектуала, у которого от собственной гениальности кружится голова.

— В день вашего 60-летия, чтобы повеселить друзей, вы, не задумываясь, сняли с себя брюки и «полуобнаженным» танцевали с цыганами. Вы всегда любите праздники. Вам никогда не бывает тоскливо?

— По крайней мере об этом не думаю... Ребенком я все время был в отличном настроении — у меня от природы хороший характер. Я ничего не делал в школе, и это меня совершенно не беспокоило. Всегда любил праздники и обожал танцевать на самых людных улицах. В 23 года, когда с Пьером Брассером играл в «Укрощении строп-

тивой», мы проводили все ночи на Пигали. Когда мой фильм смотрел миллионный зритель, то я всегда шумно отмечал это событие.

— Случалось ли вам сомневаться в собственном таланте?

— Сомневаются все актеры. Когда я решил вернуться в театр после 28-летнего отсутствия и играть в пьесе «Кин», меня посещали сомнения. Каждый раз,

терон, чем бы вы тогда занимались в жизни?

— Был бы художником или скульптором. К сожалению, в этом я не слишком одарен. Обожаю живопись и всегда хожу в Лувр. Когда путешествую, посещаю музеи. Часто слушаю оперу — Каллас, Паваротти...

— Кажется, однажды, когда вы в метро демонстрировали свои трюки, контролер сказал: «Браво! Сам я и за миллион не сделал бы этого!» Вы ответили: «Я бы тоже!» Вас часто упрекают в том, что вы пожертвовали своим талантом ради исключительно коммерческих целей.

— Если бы я всю жизнь иг-

стии которых вы испытываете робость?

— Я обожаю Брандо и Де Ниро, но, скорее, испытывал бы робость в присутствии не актера, а ученого или исследователя. Единственным человеком, перед которым я действительно стушевался, был де Голль. Когда я оказался перед ним в Елисейском дворце, почувствовал себя совсем маленьким!

— Вы никогда не афишировали ваших политических взглядов. В силу безразличия или из-за осторожности?

— Вопреки тому, что думают, я не живу в отрыве от действительности. Я в курсе всего происходящего и никогда утром не ухожу из дома, не прочитав всю прессу. Но я всего лишь актер, и моя миссия в том, чтобы играть для всех.

— Что может заставить вас выйти на улицу?

— Ни левые, ни правые. Только если моя страна потеряет свободу, если придет к власти диктатор.

— Вы обожаете бокс. Сумеете ли вы остановиться, чтобы не доводить дело до последнего боя?

— Стариком появляться на сцене не собираюсь. Жан Габен всегда говорил: «Я играю, чтобы было чем платить налоги!» Но это неправда — он обожал играть. Я сыграл в «Сирано» 300 раз — и мне не надоело.

— «Жить с Жан-Полем, — говорил Урсула Андресс, — это все равно что постоянно находиться в центре циклона». Вы и в любви каскадер?

— Мы были молодыми и жили в сумасшедшую эпоху! Урсула познакомила меня с Голливудом, Фрэнком Синатрой, Элвисом Пресли, Кирком Дугласом. То был фантастический мир... Но и тогда я был собственником, ревнивцем... Таким и остаюсь. Для меня сегодня главное — счастье моей семьи. Все делаю для этого.

— Вы, кажется, не совершали ошибок. Ну а, может быть, вы что-то упустили в жизни?

— Никогда нельзя сказать — «мне все удалось». Порой в своей карьере я делал ошибки. Равно как и в жизни. Но знаю одно: никогда не надо осторожничать, надо все пробовать. Скажем, я жалею, что не стал выступать в театре ТНП, куда меня приглашал Жан Вилар... Никто, оглядываясь на прожитую жизнь, не может сказать: «Я ни о чем не жалею».

— Вы относитесь к той категории мужчин, которые уходят от женщин, или, наоборот, к той, от кого уходят?

— Ни к той, ни к другой. Мы всегда расставались по взаимному согласию. И здесь мне повезло: с женщинами, которых я любил, никогда не случилось ничего некрасивого.

— Однажды вы сказали: «Для меня бесчестие страшнее смерти»...

— Надеюсь, никогда не придется сделать ничего такого, что опозорит меня или мою семью. Для меня было бы бесчестием прийти на сцену и объявить: «Дамы и господа! Я не могу больше играть и перестану выступать!»... Что же касается смерти, то она никогда меня не пугала. Я всегда думал, что от нее защищен и что со мной никогда ничего не случится. Не упаду на съемках с самолета и не сломаю ногу. Признаюсь: долгое время я считал себя бессмертным!

ПАРИЖ.

Этим своеобразным танцем юбиляр сразил гостей, отмечавших его день рождения.

Фото «Пари-матч».

выходя на сцену, говорил себе: «Пусть я их не разочарую». Если таких сомнений нет, вы будете думать, что вы лучший. Но нет ни лучшего, ни первого! Актеры, которые говорят: «Я не играю для публики и плавать мне на аплодисменты», должны играть перед зеркалом. Сам я не могу рассчитывать на триумф каждый вечер, но, должен признаться, никогда не устаю от аплодисментов.

— Вы очень богаты. Poznали успех. Могли бы вы сегодня жить, не играя?

— Нет, мне это действительно нужно. Видит Бог, как я счастлив с Нати (нынешняя спутница Ж.-П. Бельмондо. — Ю. К.) — у меня есть все. Но, когда человек имеет дар, нужно его использовать.

— Если бы вы не стали ак-

рал в фильмах типа «Священник Леон Морен», мне не на что было бы сегодня купить еды... Я всегда делал то, что хотел. Благодаря кино стал большой «звездой», смог поставить «Кина» и «Сирано де Бержерака».

— С коричневым от загара лицом, всегда с собачкой Майей под мышкой — многие считают, что вы стали карикатурой на самого себя. Это вас раздражает или забавляет?

— Вам не нравится моя собачка? Майя случайно вошла в мою жизнь... На ТВ меня может изображать марionетка, надо мной можно смеяться — это меня не трогает. Вы хотите, чтобы я имел успех да еще чтобы меня любили?

— Есть ли люди, в присут-